

ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна

кандидат филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета г. Краснодар, Россия

Larisa P. GOLIKOVA

Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Department of History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
larisa.golikova@mail.ru

ШАРОЙКО Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University
Krasnodar, Russia
ma-ra@bk.ru

**Кавказские события
в художественно-
публицистическом творчестве
русских писателей XIX в.**

**Caucasian Events in Fiction and
Nonfiction Works
of the Russian Writers
of the 19th Century**

Феномен «кавказскости» в русской литературе первой половины XIX века рассматривается в контексте общеимперского восприятия. Прослежена судьба романов В. Нарезного «Черный год, или Горские князья» и Е. Лачиновой «Проделки на Кавказе», вызвавших резонанс в культурной жизни того времени. Представлен комплекс национально-государственных идей о Кавказе в художественно-публицистическом дискурсе Л. Н. Толстого: «Я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что надо жить для другого».

Ключевые слова: феномен «кавказскости», национальный менталитет, этнокультурное двуединство, традиции активного романтизма, художественно-публицистический дискурс, В. Нарезный, Е. Лачинова, Л. Толстой.

The phenomenon of «Caucasianess» in Russian Literature of the first half of the 19th century is considered in the context of the general imperial perception. This article traces the fate of such novels as «A Black Year or the Mountain Princes» by Vasily Narezhnii and «Escapades in the Caucasus» by Ekaterina Lachinova, caused resonance in cultural life of that time. The complex of national and state ideas about Caucasus in fiction and nonfiction discourse of Leo Tolstoy is represented: «I discovered that there is immortality, that there is love, and that one must live for others».

Keywords: the phenomenon of «Caucasianess», national mentality, ethnical and cultural duality, traditions of active romanticism, fiction and nonfiction discourse, V. Narezhnii, E. Lachinova, L. Tolstoy.

Русские писатели, осваивая кавказскую тематику, исследуя ее как часть российской, стремились к пониманию национальной особенности – мироощущения, мирочувствования, того, что принято называть ментальностью. Как воспринимать культуру и литературу Кавказа? Есть ли основание видеть в национальной литературе народов Кавказа «этнокультурное двуединство», существующее в двух измерениях? Вопросы эти не содержали однозначных ответов в самом начале развития отношений «двустороннего сотрудничества».

Попытки создания целостного образа Кавказа, предпринимались побывавшими там в XIX столетии военными, путешественниками, участниками экспедиций, миссионерами, учеными, писателями. Возвращаясь в Россию, они публиковали впечатления о жизни, обычаях, традициях и культуре открывшегося им народа в «Отечественных записках», «Литературной газете», «Вестнике Европы», «Журнале Министерства внутренних дел». В первых путевых заметках в решении темы Кавказа сразу обозначились две противоположные тенденции, которые сформировались к 1820-1830-м гг. Одни требовали от писателей экзотики, необычных пейзажей, восхваления побед русского оружия... Это эпигонская концепция чиновничества. Другая наследовала традиции активного романтизма, традиции А. Пушкина и декабристов. Экзотика, условность, приблизительность представлений и схематизм без конкретного историзма, психологических знаний были характерны для ранних ознакомительных впечатлений о Кавказе [1, с. 29].

В первой половине XIX в. Кавказ предстал перед российским читателем в произведениях декабристов, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова и др. В произведениях этих авторов уже были тонко подмечены особенности национального характера горца, высокие моральные качества, соблюдение обычаев предков, честь, преподнесенные читателю с реалистических позиций:

*Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил он жизни простоту,*

*Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани...*

[6, с. 467]

Первым русским романом о Кавказе стал роман «Черный год, или Горские князья» В. Т. Нарезного, который, в свою очередь открыл читательской публике неизвестные ей факты из жизни иноязычного народа.

Р. Юсуфов в книге «Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры» писал о том, что произведения русских «как бы осветили внезапным светом весь внутренний мир человека Кавказа, все уголки его сознания, остававшиеся неизвестными до сих пор русскому человеку. Горец – герой, не один десяток лет мужественно отстаивавший свою вольность, свободу, независимость, становится более понятным и близким русскому читателю». И не только русскому, потому что произведения русских писателей «обогащали мировую литературу и культуру опытом той части человечества... которая еще оставалась за пределами художественной литературы и исторической науки XIX века» [8, с. 98].

В 1844 г. вышел из печати роман Е. Лачиновой «Проделки на Кавказе». Это произведение имело большой успех у читателей – за полтора месяца было продано 300 экземпляров. Е. Лачинова с 1836 г. жила на Кавказе по месту службы мужа, генерал-интенданта. В романе изображена жизнь и нравы горцев, объективные причины их жестокости. В рецензии П. Кудрявцева отмечалось, что «Проделки на Кавказе» «не роман, не повесть... но очерки быта и состояния страны в настоящее время, и притом очерки с мыслью». В книге Е. Лачиновой была предпринята попытка раскрыть «закулисную» сторону Кавказской войны, обличить порядок и характер управления Кавказом высшими чинами. Ярко выраженная обличительная позиция автора в значительной степени объясняется кругом ее кавказского общения, в который входили сосланные декабристы. Вокруг романа разразился скандал. Книга вызвала негодование Николая I, была запрещена, а тираж изъят из продажи. Над Е. Лачиновой, по воле царя, был установлен политический надзор. Современники предполагали причастность к созданию романа А. Бестужева-Марлинского, с которым писательницу связывали

дружеские отношения, отмечали переключку идей с «Героем нашего времени» М. Лермонтова. Возможно, Е. Лачинова намеренно намекала на погибших лиц с целью отвести угрозу от живущих на Кавказе военных, попавших под подозрение. В 1850 г. Е. Лачинова представила в цензуру новое сочинение «Два имама, или Истребление Аварского дома», развивающее идеи «Проделок на Кавказе». В цензурных делах имелось указание на то, что Е. Лачиновой «изготовлено» еще много рукописей, которые предписывалось рассматривать с особой бдительностью [1, с. 36].

Значительная часть поэтов и писателей представляла так называемую романтическую литературу, которая носила характер заимствования. Подражали А. Пушкину, М. Лермонтову, особенно А. Бестужеву-Марлинскому. Восточный стиль, романтические каноны, резкое деление персонажей на идеальных и отрицательных составляли основу письма этого направления в литературе первой половины XIX в. Вместе с тем эти произведения «сыграли известную положительную роль в ознакомлении русской читающей публики с образом жизни кавказских горцев и в конечном итоге содействовали сближению русского и горских народов» [3, с. 240].

События, происходившие на Северном Кавказе в середине XIX в. нашли отражение и в творчестве Л. Н. Толстого. Душевный кризис писателя, поиски смысла бытия, разочарование в образе жизни способствовали поиску перемен. Он охотно использовал представившийся случай поездки на Кавказ, знакомый ему лишь по книгам и чужим рассказам. Поехал Л. Толстой по предложению старшего брата Николая, служившего в кавказской армии. Выехав из Ясной Поляны в конце апреля 1851 г., он 30 мая прибыл в станицу Старогладковскую. Здесь жизнь его потекла по иному руслу. Л. Толстому неоднократно приходилось принимать участие в военных действиях против горцев – сначала в качестве добровольца (в июне 1851 г.), затем по поступлении на службу (в январе и феврале 1852 г., в январе–марте 1853 г. и т. д.). Не раз жизнь его подвергалась большой опасности. Он едва не был взят в плен (13 июня 1853 г.) при переезде из укрепления Воздвиженского в крепость Грозную. Казаки называли его

«джигитом», трижды он был представлен к Георгиевскому кресту, но каждый раз неожиданные обстоятельства мешали ему получить награду [7, с. 313].

Л. Н. Толстой посетил многие места на Кавказе. Постоянное его жительство было в станице Старогладковской, подробно описанной под названием Новомлинской в повести «Казаки». Кроме того, он бывал в Хасав-Юрте, Старом Юрте, Грозном, Пятигорске, Железноводске, Моздоке, Тифлисе, ездил к берегам Каспийского моря. На Кавказе им написаны «Детство», «Отрочество», «Святочная ночь», «Как гибнет любовь», «Записки маркера», «Набег», начаты «Роман русского помещика», «Казаки», «Рубка леса», «Дневник кавказского офицера». Потребность в продолжении активного творчества вынудили его хлопотать об отставке. Военная служба и среда начинали тяготить его, но отъезд вследствие войны с Турцией откладывался. 13 января 1854 г. он получил офицерский чин и 19 числа того же месяца вернулся в Россию [2, с. 55].

На Кавказе Л. Толстой пережил дни и горьких испытаний, и отрадных впечатлений. Моменты духовного подъема, упоения творческой работой и общения с новыми людьми, с кавказской природой сменялись событиями, оставившими в воспоминаниях горький осадок. Но, в общем, жизнь на Кавказе была одним из впечатляющих периодов его жизни. В письме от 5 декабря 1852 г. он сообщал брату Сергею Николаевичу: «Признаюсь, что мне скучно жить здесь и часто бывает грустно, но Кавказ принес мне огромную пользу. Пускай мне придется еще несколько лет прожить в этой школе, зато, ежели после нее мне останется хоть год прожить на свободе, я сумею его прожить хорошо». Те же мысли он высказывал и позже, в 1859 г.: «Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда*, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением... я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что надо жить для другого» [7, с. 315].

Для Л. Толстого суть Кавказской войны была очевидной: бесчеловечное насилие над людьми. В кавказских произведениях первого

периода, например «Казачах», главное внимание уделяется изображению русской среды. Впоследствии, уже в «Кавказском пленнике», выдвигаются на передний план горцы, а в «Хаджи-Мурате», замыкающем кавказский цикл, русская и горская стихия представлена через мысль о том, что вражда наций несет не освобождение, а бедствие и тем, и другим.

Писателя заинтересовала деятельность Осетинской духовной комиссии, созданной еще в 1744 г. по указу Елизаветы Петровны [4, с. 141].

15 октября Л. Толстой сделал по этому поводу запись в дневнике: «На Кавказе существует малоизвестная миссия, состоящая из 8 священников (русских), проповедующих Евангелие в осетинских горах осетинам и различным племенам горцев, из которых большая часть еще идолопоклонники. Миссионеры ходят пешком по едва проходимым тропинкам и пробывают иногда по пять и более лет. В Большой Кабарде, против Нальчика, между магометанами существуют об-

щины, с незапамятных времен принявшие христианскую веру: дигор, болгар» [5, с.101].

Интерес Л. Толстого к миссионерам понятен: разгар Кавказской войны, в окружении мусульманских народов горсточка русских священников, рискуя жизнью, не думая о благосостоянии своем, проповедует православие, пытается привнести в жизнь народов Кавказа грамотность и просвещение. Христианство, пришедшее к язычникам-осетинам из Византии, было объявлено государственной религией Алании в XII вв., но постепенно забывалось в горах. С приходом на Кавказ русских миссионеры стремились возродить здесь православное христианство [2, с. 58].

Русские писатели XIX в. в художественных и публицистических произведениях открыли те перспективы в области кавказско-русских отношений, которым предстояло выявить систему первоочередных ценностей, ориентированных на межэтническую коммуникацию в контексте национально-государственных идей.

Использованная литература:

1. Голикова Л. П. Россия и Кавказ: межлитературное общение в исторической динамике. Краснодар: КубГУ, 2008.
2. Голикова Л. П., Шаройко М. В. Русско-осетинские литературные коммуникации в контексте национальной самобытности. Краснодар: КубГУ, 2014.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М.: Наука, 1988.
4. Каменский И. Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды V археологического съезда в Тифлисе (Тифлис, 8-21 сентября 1881 г.). М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1887.
5. Кусов Г. Русско-осетинские культурные связи. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1978.
6. Пушкин А. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1.
7. Семенов Л. Как складывались отношения с Кавказом у Л. Н. Толстого // Кавказ в сердце России. М.: Пашков дом. Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. С. 313–320.
8. Юсуфов Р. Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М.: Наука, 1970.

References:

1. Golikova, L. P., *Rossiya i Kavkaz: mezhliteraturnoe obshchenie v istoricheskoy dinamike* (Russia and the Caucasus: Inter-Literature Communication in the Historical Dynamics), Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2008.
2. Golikova, L. P. and Sharoyko, M. V., *Russko-osetinskie literaturnye kommunikatsii v kontekste natsional'noy samobytnosti* (Russian-Ossetian Literary Communication in the Context of the National Identity), Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2014.
3. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII veka – 1917 god)* (The History of the Peoples of the North Caucasus (the End of the 18th Century - 1917)), Moscow: Nauka, 1988.
4. Kamenskiy, I., *Obrashchenie osetin v khristianstvo v XVIII veke*, in *Proc. 5th Archeological Congress (Tiflis, 8-17 September, 1881)*, Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K., 1887.
5. Kusov, G., *Russko-osetinskie kul'turnye svyazi* (Russian-Ossetian Cultural Ties), Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
6. Pushkin, A., *Izbrannye sochineniya* (Selected Works): in 2 vols., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978, vol. 1.
7. Semenov, L., *Kak skladyvalis' otnosheniya s Kavkazom u L. N. Tolstogo*, in *Kavkaz v serdtse Rossii* (Caucasus in the Heart of Russia), Moscow: Pashkov dom. Fond imeni I. D. Sytina, 2000, pp. 313–320.
8. Yusufov, R., *Russkiy romantizm nachala XIX veka i natsional'nye kul'tury* (Russian Romanticism of the Early 19th Century and National Culture), Moscow: Nauka, 1970.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Голикова, Л. П. Кавказские события в художественно-публицистическом творчестве русских писателей XIX в. [Электронный ресурс] / Л. П. Голикова, М. В. Шаройко // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 55-59. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Golikova_Sharoiko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Golikova, L. P. and Sharoiko, M. V., Kavkazskie sobytiya v khudozhestvenno-publitsisticheskom tvorchestve russkikh pisateley XIX veka (Caucasian Events in Fiction and Nonfiction Works of the Russian Writers of the 19th Century), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 55-59. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Golikova_Sharoiko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

Ставрополь середины XIX века глазами Елены Лачиновой (отрывок из романа «Проделки на Кавказе»)

Дорога по Кавказской линии вовсе незанимательна: всё степь да степь — кое-где пересечена она оврагом; инде ряд курганов вздымается на равнине полей, рисуясь на горизонте. По Кубани станицы обнесены рвами и окружены плетнем, увенчаны колючим кустарником, ворота выкрашены наподобие верстовых столбов; над ними прибита черная доска, на которой белою краской написано название станицы и какому полку она принадлежит; дома в них деревянные с камышовыми крышами. Степные, или по-тамошнему внутренние станицы, не имеют оград, рвов и ворот; они растянуты по обоим сторонам какого-нибудь тенистого ручейка, который величается именем речки; дома в иных деревянные, в других из дикого камня; но все, как и у нас на Руси, крыты соломой. На правом фланге везде казачки одеваются как русские крестьянки, и только в некоторых станицах повязывают голову в виде чалмы; мужья их вообще носят черкесское одеяние. Николашу сначала занимала ловкость конвоирующих казаков, но скоро и это пригляделось. Взор путешественников утомлялся от однообразия; нигде не было ни леска, ни даже кустарника; только вдали, за Кубанью, зеленелись кое-где почти истребленные рощи, да пространное протяжение земли, покрытой кустами.

Завиделся Ставрополь. В продолжение семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов — прекрасный вид! Но прекрасный лишь издали. Вы въехали — какая пустота! Ни одного порядочного здания! все мелочно и низко, а все корчит величие — жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности. Штаб, присутственные места и комиссии: провиантская, комиссариатская и военносудная, с тюрьмою подсудимых, — вот все, что есть в этом городе. Жителей — кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, почти нет; для них вообще не нужно изящества и художества: мясной ряд, винный погреб, суконная лавка, мелочная лавка с чаем и сахаром, часовщик — или даже три часовщика, из которых ни один никуда не годится, совершенно достаточны для всех потребностей жизни. В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это — гостиница. Стол в ней довольно дурен; но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда. В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих, которых весною бывает очень много. В эту пору из всей российской армии съезжаются офицеры, командируемые на текущий год участвовать в экспедициях, равно как и те, которые кончили свой год и ожидают отправления к своим полкам. Гостиница — единственное место, где с некоторым удовольствием можно проводить время в Ставрополе: помещения опрятны, пространны и изрядно меблированы; первая комната бильярдная, вторая столовая, третья — довольно большая зала, далее две гостиные, в которых найдете «Русского инвалида», «Северную пчелу» и несколько ломберных столов, почти не закрывающихся. Прислуги довольно. Она опрятно одета и изрядно наметана. Честь и слава Неотаки, хозяину этого заведения! Да простятся ему его греческие склонности и грешки! Должно, однако же, сказать и то, что номера, где останавливаются приезжие, темны, дурны, малы, нечисты, имеют всегда дурной запах, холодны и угарны зимою. Да ниспошлет же Неотаки судьба в наказание поболее должников, не платящих долгов своих!

Хамар-Дабанов Е. (Лачинова Е. П.) Проделки на Кавказе. - Ставрополь, 1986. - С. 256-258.